

М. А. АРЗУМАНОВА

О СВЯЗЯХ С РОССИЕЙ А. Н. РАДИЩЕВА В ЛЕЙПЦИГСКИЙ ПЕРИОД

В литературе о А. Н. Радищеве вопрос о связях русских студентов и самого Радищева с родиной недостаточно разработан.

Многие исследователи считают, что, находясь за границей, русские студенты не имели связей с Россией, плохо знали о том, какие события там происходили, что занимало в то время русское общество.¹

Изучение материала, как уже опубликованного, так и ранее неизвестного, показывает, что на деле всё обстояло иначе.

16 ноября 1768 года началась русско-турецкая война, в связи с чем через Лейпциг в Италию и на острова Адриатического побережья проезжало много русских офицеров, участников войны, курьеров с депешами. Естественно, что, останавливаясь в Лейпциге и встречаясь со своими соотечественниками, они могли рассказывать последним о том, что происходило в России.

Об этом вспоминает и сам А. Н. Радищев в «Житии Ф. В. Ушакова»: «Отправление Российских морских сил в Архипелаг, в последнюю войну между Россиею и Турциею, доставило нам в Лейпциге случай видеть многих наших соотчичей, проезжавших из России в Италию, и оттуда в Россию».²

Но не только война была причиной того, что в Лейпциге бывало много русских. В течение всего того времени, когда там были студенты, в город часто приезжали из России или с тем, чтобы учиться в университете, или со специальными поручениями. В августе 1767 года Лейпциг посетил дво-

¹ В наиболее открытой форме подобное мнение выражено в книге: В. Мияковский. Радищев. «Огни» (серия «Светочи прошлого — творцы будущего») Пгр., 1919, стр. 20 сл.: студенты — «тепличные растения из чуждой среды... представляли ее <Россию, — М. А.> себе вероятно так же неопределенно, как и чужую Германию, когда впервые ехали туда... Из своего лейпцигского далека они рисовали себе Россию совсем в иных красках, чем те, в каких предстала перед ними она — подлинная...» Подобные высказывания мы находим и у позднейших исследователей, ср., например, работу Л. Кулаковой: А. Н. Радищев (1749—1802). Очерки жизни и творчества. <Л.>, 1949, стр. 18.

² А. Н. Радищев. Житие Ф. В. Ушакова. Полн. собр. соч., т. 1, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 176.

рянин Кабинета ее императорского величества» — князь Несвижский, чтобы повидаться со своим братом Александром,³ одним из двенадцати русских студентов, обучавшихся в Лейпциге. Вскоре после этого, в начале сентября, туда прибыл кабинет-курьер Гуляев с сыном Адама Васильевича Олсуфьева — Дмитрием, посланным для учебы в университет.⁴

1768 год был, пожалуй, самым богатым по количеству соотечественников студентов, приезжавших в Лейпциг. В этом году через город проехал И. А. Дмитриевский. Был здесь и другой русский писатель — С. Г. Домашнев. Если предположить, что он встречался со студентами, то, очевидно, он мог им рассказать о главном событии, волновавшем в то время Россию, — работе Комиссии по составлению нового Уложения, тем более, что сам он был в 1767 году ее депутатом от сумского дворянства.⁵

В период 1766—1768 годов у кн. А. М. Белосельского при русском посольстве в Дрездене служил еще один русский писатель — будущий автор «Душеньки», И. Ф. Богданович. Он неоднократно бывал вместе с посольством и саксонским двором в Лейпциге.⁶ Был там и камергер Василий Дараган.⁷

По словам самого А. Н. Радищева, случилось проезжать через Лейпциг и генерал-поручику Н. Е. Муравьеву с супругой и шурином, молодым человеком, гвардии офицером-драматургом А. А. Волковым (кстати — тоже депутатом Комиссии по составлению нового Уложения — от Канцелярии строения дорог.⁸ А. А. Волков часто бывал у студентов и даже вместе с ними потешался над глупостью и хвастовством их гофмейстера, отчего «презрение» студентов к последнему «с того времени стало совершенное».⁹

Осенью 1768 года посетили Лейпциг также и Федор и Алексей Орловы, братья всесильного фаворита Екатерины II — Григория Орлова,¹⁰ пу-

³ АВПР фонд «Сношения России с Саксонией», д. 99, 1767 г., лл. 99 сл. — письмо Бокума Олсуфьеву от 17 августа 1767 года.

⁴ Там же, лл. 102 сл. — письмо Белосельского Панину от 28 августа/8 сентября 1767 г.

⁵ Сб. ИРИО, 36, 1882, стр. 18—19.

⁶ О частых пребываниях посольства в Лейпциге ср., например, упоминания в письмах кн. Белосельского: «... двор 15 сего месяца в город переселитца на предбудущую ярменку в Лейпциг, подлинного приказу к зборам, еще нет, однако поговаривают, что их высочества туда поедут...» АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 99, 1767 г., лл. 102 и 103. — Письмо Белосельского Н. И. Панину от 28 августа/8 сентября 1767 года; «... третьего дня весь здешний двор, по двунедельном пребывании на Лейпцигской ярмонке, в Дрезден благополучно возвратился. Приехав за оным, имею честь не медля вашему императорскому величеству о том всеподданейше донести». В том же фонде (д. 98, 1767 г., л. 81) — письмо Белосельского к Екатерине II от 9/20 октября 1767 года. Письмом от 9/20 марта 1769 года Белосельский сообщал Панину, что курфюрст «думает пробыть в Лейпциге целую ярмонку, чего для и нас, чужестранных министров, туда пригласили» (в том же фонде, д. 109, 1769 г., л. 32).

⁷ См. документы в том же фонде, д. 104, 1768 г., л. 36а, и в ЦГАДА, Фонд «Государственный архив», разр. XI, д. 1036.

⁸ Депутатом «Комиссии» был и Николай Ерофеевич Муравьев — см.: Сб. РИО, IV (1869), стр. 11, 53, 69. О А. А. Волкове см.: там же, стр. 155.

⁹ Оба тоже депутаты «Комиссии» — см. там же, стр. 53.

¹⁰ А. Н. Радищев. Житие Ф. В. Ушакова. Полн. собр. соч., т. I, стр. 176.

тешествовавшего инкогнито, — под весьма прозрачной фамилией Островых.¹¹

По материалам фонда «Сношения с Саксонией» видно, что они были в Дрездене с конца июля по середину октября не менее трех раз.

А 12 октября, получив приглашение посетить конный завод курфюрста, находившийся в Лейпциге,¹² Алексей и Федор Орловы уехали туда одновременно с гр. З. Г. Чернышевым.¹³ В Лейпциге они пробыли около двух недель, успев не только осмотреть достопримечательности города, но и познакомиться со своими соотечественниками.¹⁴ Это подтверждает кабинет-курьер М. Яковлев, сообщавший, что «граф Алексей Григорьевич Орлов подарил молодым господам... 200 талеров» на продолжение «домашних концертов».¹⁵

На основании приведенных фактов можно с большей уверенностью утверждать, что «некто... Ф...»,¹⁶ познакомивший студентов с книгой Гельвеция «Об уме», это не кто иной, как граф Федор Григорьевич Орлов, бывший в Лейпциге вместе со своим братом.¹⁷

¹¹ АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 104, 1768 г., л. 123 — письмо Белосельского Панину от 19 июля 1768 года; л. 136 — письмо Белосельского Панину от 16/27 октября 1768 года. См. также письмо Белосельского Панину от 1/12 августа 1768 года. В том же фонде и деле (л. 109—109 об.): «10-го сего месяца по новому штилю прибыли сюда <т. е. в Дрезден, — М. А.> из Берлина господа Островы, и не считают доле здесь остановиться как только до завтра, спеша ехать в Карлсбад чтоб не упоздать. Все здесь считают их знатными русскими господами под чужим именем».

¹² Там же, л. 130 — 130 об. — письмо Белосельского Панину от 30 сентября/11 октября 1768 года.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 134 — письмо Белосельского Панину от 14/25 октября 1768 года; об этом упоминается также в донесении М. Яковлева (ЦГАДА, фонд «Государственный Архив», разр. XVII, д. 62, 1766—75 гг., лл. 461—477 об.).

¹⁵ То же донесение Яковлева, л. 467 об. — 468.

¹⁶ А. Н. Радищев. Житие Ф. В. Ушакова. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 176.

¹⁷ Высказанное положение подтверждается и данными, имеющимися в «Житии Ф. В. Ушакова». При внимательном чтении становится очевидным, что Ф... довольно молодой человек, так как он охотно все время проводил со студентами, особенно с Ф. В. Ушаковым. Судя по всему, это какой-то русский вельможа, аристократ, способный обещать Ушакову «мощное свое покровительство» и «извлечение» последнего из «руки отягощения». Он любит показать себя знатоком философской просветительской мысли, «покровителем учености», не прочь поупражняться в «метафизических рассуждениях», т. е. ведет себя так, как и другие современные ему русские аристократы, чье показное «свободомыслие» и увлечение философией было в то время своего рода модой. Но, уехав из Лейпцига, этот «покровитель» забывает Ушакова и даже не отвечает на его письма: «Или ему низко было вступить в переписку с неравным ему состоянием, или благодарить надлежит за то Наукам, что среди обиталища их различие состояний нечувствительно и взором природного равенства не тягчит и для того в Лейпциге Ф... обходился с Федором Васильевичем, как с равным себе» — делает предположение Радищев. Но если Ф..., как то вытекает из приведенного отрывка, может считать для себя унижительным переписываться с человеком дворянского звания, майором, служившим ранее коллежским ассессором у одного из самых

В 1769 году население студенческой колонии увеличилось еще на четыре человека. В начале февраля уехали из России Осип Козодавлев и Сергей Олсуфьев; 21 апреля их уже занесли в университетские списки.¹⁸ Летом того же года приехал Николай Хлопов; его записали в число студентов университета 11 сентября.¹⁹ 14—15 августа прибыл в Дрезден Алексей Теплов — сын Г. Н. Теплова, снабженный рекомендательным письмом гр. Панина к кн. Белосельскому. Его представили курфюрсту и познакомили с гр. Сакеном и бароном Гогенталем, после чего он, очевидно, уехал в Лейпциг, так как уже 25 октября мы находим его занесенным в университетские списки.²⁰ Возможно, что он был знаком с Ф. Ушаковым еще в Петербурге, когда тот служил секретарем у его отца.

В 1770 году в июле посылается за границу Шкурор с целью приобрести «настолько совершенное образование, какое можно получить только в Лейпциге».²¹

В августе туда приезжают с губернатором братья Шурины, «воспитанию» которых «содействовать с большим удовлетворением» обещал барон Гогенталь.²²

В сентябре в Дрездене остановился гвардии подпоручик Павел Фонвизин (брат Дениса Фонвизина) и, «по приключившемуся ему в Цейсте на последней почте из Праги сюда весьма болезненной припадку», вынужден был остаться там на всю зиму.²³ Весьма возможно, что, будучи так близко от Лейпцига, он бывал там, тем более, что, как уже говорилось выше, русское посольство вместе с двором часто приезжало в Лейпциг.

28 дней пробыл в городе, живя вместе со студентами, постоянно с ними встречаясь, кабинет-курьер М. Яковлев, приехавший туда 14 ноября, в сопровождении Николая Матюшкина, Николая Волкова и Василия Мельгунова.²⁴

видных царских сановников Г. Н. Теплова, то, без сомнения, он принадлежал к высшему кругу знати. Все эти намеки и архивные данные подтверждают, что молодым знатым русским аристократом Ф. . . , упоминаемым в «Житии Ф. В. Ушакова», был граф Федор Григорьевич Орлов.

¹⁸ Сообщение из Кабинета Бокуму от 6 февраля 1769 года говорило об отправке в Лейпциг двух дворян — С. А. Олсуфьева и О. П. Козодавлева (ЦГАДА, фонд «Государственный архив», разр. XVII, д. 62, 1766—1775 гг., л. 90; см. также: «Известия ОРЯС», т. 9, 1860—1861, стр. 159, приложение к статье «Несколько ученых заметок Я. К. Грота во время заграничного путешествия»).

¹⁹ Письмо Бокума от 9 августа/29 июля 1769 года (ЦГАДА, там же, л. 98; см. также: приложение к статье Я. К. Грота).

²⁰ АВПр, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 109, 1769 г., л. 133 (лиц. и об.) — письмо Белосельского Панину от 17 октября 1769 года; см. также: приложение к статье Я. К. Грота

²¹ Там же, д. 116, 1770 г., л. 6 — письмо Панина к Белосельскому от 6 июля 1770 года.

²² Там же, д. 115, 1770 г., л. 46 — письмо Гогенталья Панину от 13 августа 1770 года, а также (л. 47) письмо Гогенталья Панину от 16 августа 1770 года.

²³ Там же, лл. 65 об. — 66 — письмо Белосельского к Панину от 4/15 сентября 1770 года, а также л. 99 — письмо Белосельского Панину от 16/24 октября 1770 года, и в деле 116, 1770 г., л. 7 — письмо Панина к Белосельскому от 5 ноября 1770 года.

²⁴ ЦГАДА, фонд «Государственный архив», разр. XVII, д. 62, 1766—75 гг., лл. 127—130 об. — сообщение из Кабинета Бокуму от 23 сентября 1770 года; там же, л. 469 об. — донесение Яковлева.

В июле 1771 года к русским студентам отправили из Петербурга студента Сергея Подобедова в качестве учителя русского языка.²⁵ Из фактов его биографии следует учесть, что с 1768 по 1770 год он служил переписчиком в Комиссии по составлению нового Уложения.²⁶

Необходимо еще особо остановиться на частых приездах в Саксонию братьев Орловых. Как уже сказано выше, они не раз бывали в Дрездене и Лейпциге в 1768 году. В 1770 году Орловы опять проезжают через Лейпциг.²⁷ В 1771 году Алексей Орлов приехал в Дрезден 13/24 апреля, вручил Белосельскому камергерский ключ, представился курфюрсту и, «отобедав у графа Сакена, отправился отсюда через Вену в Венецию...».²⁸

В непосредственной связи с этим, как нам кажется, находится факт перевода Радищевым брошюры Антона Гики «Желания греков, к Европе христианской» — «некогого рода весьма длиннаго... важнаго и любопытства достойнаго... на греческом языке писанного Манифеста», который он получил «из Архипелага, чрез Италию».²⁹

Перевод этой брошюры явился живым откликом на события русско-турецкой войны. Рукопись Радищева не датирована, но, судя по содержанию, переводил он ее в конце августа 1771 года. Чтобы аргументировать это положение, обратимся к тексту. Описывая тяжелое состояние греков под турецким владычеством, автор свою надежду на освобождение с помощью России выражает следующими словами: «Важность и скорость Ея побед и усугубляющаяся робость наших тиранов, заставили нас почитать уже блискими минуты нашего избавления».³⁰

Приведенные строки не могли быть написаны ранее 1770 года, так как именно этот год и ознаменовался рядом «важных и скорых» побед над турками: разгром 80-тысячной турецкой армии при Ларге и 150-тысячной — при Кагуле; взятие Бендер; освобождение Измаила, Килии, Аккермана; занятие русскими войсками Кутаиси, Молдавии, Валахии, поражение турецких войск при Аспинзи, нанесенное союзником России — Грузией; не говоря уж о прославленном разгроме турецкой эскадры в Хиосском проливе и при Чесме.

Но эти выдающиеся успехи вызвали вмешательство западноевропейских держав (назревала угроза австро-турецкого союза), что сказалось и на разделе Речи Посполитой. 16 мая 1771 года Н. И. Панин предложил согласиться на раздел, оставив за Австрией захваченные ею еще в 1770 году польские области и передав Пруссии некоторые другие области Польши.

Вскоре стало известно, что Австрия заключила с Турцией 6 июля 1771 года тайный военный союз, что вызывало угрозу непосредственного

²⁵ Там же, л. 183 — письмо Белосельскому от А. В. Олсуфьева (?) от 30 июля 1771 года.

²⁶ Там же, л. 233 об. — «Аттестат»: «По указу ея императорского величества от Комиссии сочинения проекта нового Уложения дан сей аттестат находящемуся при оной для письма студенту Сергею Подобедову в том, что в бытность свою при оной мая с 1-го числа 1768 года должность ево исправлял добросовестно, что и засвидетельствуется сентября 28 юня 1770 года. На подлинном подписано тако: Депутатский маршал Александр Бибилов».

²⁷ АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», 1770 г., д. 115, л. 124 — письмо Белосельского к Панину от 18/29 декабря 1770 года.

²⁸ Там же, д. 120, 1771 г., л. 59 — письмо Белосельского Панину от 14/25 апреля 1771 года.

²⁹ А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 2, Желания Греков, к Европе христианской, стр. 225.

³⁰ Там же, стр. 227.

вступления Австрии в войну. Все эти обстоятельства заставляли Россию спешить с прекращением войны и сказались даже при заключении мирного договора (в отказе от требования независимости Молдавии и Валахии и передачи России одного из островов Архипелага).

Именно намеком на эти события можно объяснить следующие слова текста Гики: «Мы надеялись, что покровительство великодушной сей избавительницы еще раз допустит нас жить под управлением законов, что воляность паки между нами возобновится и что Греция прежней свой вид получит. Надежда толиких выгод, в один миг исчезла, и весьма основательный страх мучительных изъятий тиранами нашими нам приуготавливаемых, как из отщепеня, так и для политических причин, наполнил сердца наши горестию и отчаяньем. Мы должны оласатся, чтоб россияне не положили победоносного оружия своего для другой причины, нежели из почтения к неприятелю. Да отвратит нас грозящее сие бедство».³¹

Это высказывание сужает возможные границы написания, а следовательно, и перевода брошюры. Очевидно, что автор мог написать приведенные строки только после того, как ослабло участие России в войне, которое, как мы видели, произошло в конце июля 1771 года. Данное положение подтверждается и числами, стоящими на самой статье: 20 и 29 июля. Таким образом, ее перевод мог быть выполнен Радищевым только не ранее конца августа месяца. Даже если, сразу после написания ее А. Гикой, с брошюрой в очень короткий срок ознакомились и немедленно переслали ее в Лейпциг для перевода, то и при таком предположении на все это не могло потребоваться менее двух недель. Подобному утверждению несколько не противоречит то, что, как известно, 16 августа (ст. ст.) в «С.-Петербургских ведомостях» появился другой перевод этой же статьи (в связи с чем, очевидно, Радищев и прекращает работу над переводом).

Этот номер «Ведомостей» никак не мог попасть в Лейпциг раньше чем через 10—12 дней, т. е. 26—28 августа (ст. ст. 1), даже если его переслали с экстренным курьером, и, следовательно, раньше самого конца августа Радищев не имел никаких оснований прервать свою работу.

Возможно, что статью Гики для быстрого перевода на русский язык написал Радищеву сам А. Г. Орлов (в штабе которого она и была сочинена),³² запомнивший незаурядного студента еще по пребыванию в Лейпциге в 1768 году и по неоднократным приездам туда и в Дрезден в 1770 и в 1771 годах. Это тем более вероятно, что Орлов вообще прибегал к такого рода публицистике. Так, в 1770 году он обратился с просьбой к Белосельскому, чтобы тот уговорил переводчика Евгения Булгари, жившего в Лейпциге, взяться за перевод на греческий язык одного сочинения и как можно скорее его закончить.³³

Но не так важно установить, кто в действительности поручил молодому студенту перевод актуальной политической брошюры, как то, что выбран был именно Радищев. Из этого факта видно, что Радищев зарекомендовал себя

³¹ А. Н. Радищев. Желания греков, к Европе христианской. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 227—228. — Разрядка моя, — М. А.

³² Сб. РИО, 145, 1914, стр. 411.

³³ Булгари отказался от перевода, ссылаясь на то, что он переводит на греческий язык «Наказ Екатерины II» и потому не имеет свободного времени. Подробнее см.: АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 114, 1770 г., л. 108 — письмо Белосельского к Панину от 10/21 апреля 1770 года и на следующем листе — письмо Евгения Булгари Белосельскому от 11 апреля 1770 года.

в качестве серьезного, образованного человека, находящегося в курсе событий международной политической жизни.³⁴ Затем, надо полагать, Радищев был осведомлен о русской периодике, так как, принимаясь за работу, он уверенно пишет: «Мы тем охотнее приемлем на себя перевод оной <т. е. статьи, — М. А.), что, по всем обстоятельствам, думать должно, что нет еще оной в переводе ни в одном периодическом сочинении, кроме сих листов»,³⁵ а прекращает работу над переводом, после того как выяснилось, что статья уже напечатана в «С-Петербургских ведомостях».

Это обстоятельство, во-первых, лишний раз подтверждает, что Радищев хорошо знал периодические издания, выходившие в России, следил за тем, что там печаталось. Во-вторых, словами «ни в одном периодическом сочинении, кроме сих листов» Радищев сам свидетельствует, что он делал свой перевод для какого-то периодического издания, и притом, очевидно, для выходившего в России: если бы он намеревался напечатать статью в лейпцигских журналах, то, вероятно, и переводил бы тогда ее на немецкий язык. А из этого вытекает, что у Радищева уже в лейпцигские годы имеются связи с русской периодикой, что первая его литературная работа была рассчитана на широкий круг читателей и только непредвиденная случайность помешала ей увидеть свет. Наконец, подтверждается и необоснованность легенды о незнании Радищевым русского языка.³⁶

У нас нет сведений о том, имелись ли в Лейпциге русские журналы, но зато известно, что в числе книг, которые находились у студентов, были

³⁴ См. два письма-характеристики Белосельским Радищева: АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 120, 1771 г., л. 123 — 123 об.; ЦГАДА, ф. 249, 1771 г., д. 6465, л. 527; см. также: АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 115, 1770 г., л. 2—3, письмо Белосельского Панину от 1/12 июня 1770 года. «... Что касается учения их, то Бокум доволен ими, так же как это есть и мнение всех профессоров, что через полтора года первые семь смогут с пользой вернуться на Родину. А именно — Радищев, который самый образованной, Янов, Челищев, кн. Трубецкой, Кутузов, Рубановский и Насакин».

³⁵ А. Н. Радищев. Желания греков, к Европе христианской, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 225.

³⁶ В некоторых работах встречается утверждение: Радищев в Лейпциге «позабыл русский язык» и по возвращении в Петербург ему даже пришлось брать уроки русского языка у А. В. Храповицкого. Подобного рода высказывания базируются, во-первых, на ошибочном мнении, что после того как Радищев и другие русские студенты приехали в Россию, «начальство» на их примере увидело, «как легко было на чужбине забыть родной язык» (ср.: В. Як у ш к и н. Учебные годы А. Н. Радищева. (Отрывок из его биографии), в кн.: Под знаменем науки. Юбилейный сборник в честь Н. И. Стороженко, М., 1902), стр. 202. Учитель русского языка Сергей Подобедов, действительно, был отправлен в Лейпциг, но не после приезда Радищева (декабрь 1771 года), а в июле 1771 года, и, следовательно, приезд студентов никак не мог повлиять на решение начальства послать в Лейпциг учителя русского языка. Кроме того, сторонники этого ошибочного взгляда основываются на неправильном толковании показания Радищева Шишковскому в Петропавловской крепости. Из слов Радищева, что он имел «малое знание в российском письме» и для «приобретения достаточных в оном сведений» много читал церковных книг, некоторые авторы делают вывод, будто он плохо говорил по-русски. Между тем очевидно, что в показании речь шла не о языке, а о «письме», т. е. о слоге, да и не о русском, но о «российском», под которым писатель понимал церковно-славянский стиль.

и «российские книги», присылавшиеся из России.³⁷ К сожалению, какие именно, не известно, но, во всяком случае, это говорит о том, что из России студентам привозили и присылали книги; трудно предположить, что среди них не было и журналов.

Интересно также и то, что сведения о событиях русской действительности студенты могли черпать и из книг и из журналов, издававшихся в Лейпциге, а также из слухов, быстро распространявшихся по городу.³⁸

В 60-е годы там издавалось большое количество журналов, свыше пятидесяти, с самой разнообразной тематикой. Одни из них посвящены вопросам литературы,³⁹ другие — вопросам истории, философии и богословия.⁴⁰ Были журналы юридические,⁴¹ экономические,⁴² музыкальные⁴³ и сатирические,⁴⁴ журналы, освещавшие вопросы торговли и промышленности,⁴⁵

³⁷ ЦГАДА, фонд «Государственный архив», разр. XVII, д. 62, 1766—1775 гг., лл. 203—206 — «Известие о купленных для обучающихся в Лейпциге российских дворян книгах».

³⁸ Так, например, еще в 1767 году Белосельский сообщал Панину, что «...разные слухи здесь рассеялись о некотором страннике, которой именуется Петром Третьим...». Об этом событии пишут и разные иностранные газеты, но «справедливее сих ведомостей по-видимому та, которую дал здешнему двору резидент саксонский в Венеции: оной пишет, что в некоторой малой части Далмации, которая есть вольная и не принадлежит ни туркам, ни венецианцам, проявился странник, называя себя бывшим нашим императором Петром третьим, ушедшим из России. Красноречием своим он столь большую поверхность взял над той малой части земли народом, которой однако ж почитается до десяти тысяч человек, что к нему они аки к главе их почтение имеют, в чем час от часу более он утверждается» (АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 99, 1767 г., л. 130 — письмо Белосельского Панину от 25 ноября/5 декабря 1767 года). Не исключена возможность, что каким-либо путем это могло стать известным и русским студентам.

³⁹ Таковы: «Zusätze zur Theorie der Poesie und Nachrichten von den besten Dichtern». Hrsg. Christian Heinrich Schmid, 1767—1769; «Almanach der deutschen Musen». Hrsg. Christian Heinrich Schmid, 1770—1781; «Philologische und kritische Bibliothek». Hrsg. Christian Heinrich Schmid, Leipzig, 1770—1781; «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste». Hrsg. Christian Felix Weise, 1765—1806; «Versuche aus der Literatur und Moral». Hrsg. Chr. Aug. Glodius, 1767—1769.

⁴⁰ См.: «Fortgesetzte neue genealogisch-historische Nachrichten». Hrsg. Michael Ranfft, 1762—1777; «Nova Agenda Scholastica». Hrsg. Peter Graf von Hohenthal, 1765—1774; «Allgemeines Staast-Magazin zum Behuf der politischen Geschichte». Hrsg. Joh. Chr. Adelung, 1766—1768.

⁴¹ «Unpartheiische Kritik über die neueßten juristischen Schriften». Hrsg. August Friedrich Schott, 1768—1781.

⁴² «Neue öconomische Nachrichten». Hrsg. Peter Graf v. Hohenthal, 1764—1773.

⁴³ «Wöchentliche Nachrichten und Anmerkungen, die Musik betreffend». Hrsg. Joh. Adam Hiller, 1766—1769.

⁴⁴ «Fidibus, eine satyrische Monatschrift». Hrsg. Joh.-Jac. Ebert und Karl Gottfried Küttner, 1769—1770.

⁴⁵ Museum Rusticum et. commerciale oder auserlesene Schriften, den Ackerbau, die Handlung, die Künste und Manufacturen betreffend. Hrsg. Chr.-Aug. Schultze u. J. J. Schwabe, 1764—1769.

химии, минералогии и медицины,⁴⁶ и ряд других многочисленных изданий.

Многие из этих журналов печатали рекомендательные библиографические списки с краткими рецензиями на выходившие книги.⁴⁷ Другие занимались популяризацией наиболее известных авторов, печатая краткие сведения о них и их произведениях. Так, например, в журнале Христиана Генриха Шмида «Zusätze zur Theorie der Poesie» мы находим биографии таких писателей и философов, как Монтескье, Даламбер, Вольтер, Фон-тенель, Шлегель, Клопшток, Геллерт, Шекспир, Стерн, Фильдинг и др.

Это не могло не интересоваться студентов. Но особенно привлекали их внимание, естественно, те сведения о России (не всегда, впрочем, лестные), которые они могли почерпнуть из этих журналов.

Любопытен факт появления в 1767 году в Лейпциге двух немецких книг, о которых Белосельский сообщал, что они «в непристойных терминах касаются» «высочайшего двора».⁴⁸

Интересны также и отклики в журналах на русские события. Так, в связи с деятельностью в России Комиссии по составлению нового Уложения и выходом «Наказа» Екатерины II, журнал Шотта «Unpartheiische Kritik...» печатает в 1768 году обширную рецензию с цитатами из самой книги.

В этом же году в журнале «Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und freien Künste», как известно, появляется «Известие о русских писателях».⁴⁹

В 1769 году оно в несколько сокращенном виде было опубликовано в журнале Христиана Генриха Шмида «Zusätze zur Theorie der Poesie...» с таким предисловием: «Перечень всех русских поэтов. Если для моих читателей является таким же приятным занятием наблюдение за развитием вкуса у различных наций, я думаю, что окажу им услугу, описав для них следующие достоверные сведения о русских поэтах из той части „Bibliothek der schönen Wissenschaften...“, которая уже напечатана. (Лиц, желающих получить полный список датских, шведских, голландских писателей прошу почтить меня своими сообщениями)».⁵⁰

⁴⁶ Mineralogische Belustigungen zum Behuf der Chemie und Naturgeschichte des Mineralreichs. Hrsg. Joh.-Chr. Adelung, 1768—1771; «Arzneikundige Abhandlungen». Hrsg. von dem Collegio der Aerzte in London, 1768—1787.

⁴⁷ См. журнал «Unpartische Kritik...», 1768—1771, passim.

⁴⁸ АВПР, фонд «Сношения России с Саксонией», д. 99, 1767 г., л. 106 — письмо Белосельского к Панину от 18/29 сентября 1767 года.

⁴⁹ См.: П. Н. Берков. Кто был автором лейпцигского Известия о русских писателях? «Известия Академии наук СССР», VII серия, Отд. обществ. наук, Л., 1931, стр. 937—952; А. И. Ляшенко. С. Т. Домашнев как автор Известия о некоторых русских писателях (1768). Там же, стр. 953—975; Д. Д. Шамрай. С. Т. Домашнев и Nachricht von einigen russischen Schriftstellern. Там же, стр. 977—983.

⁵⁰ «Verzeichnis etlicher russischen Dichter. Wenn es minen Lesern eine eben so angenehme Beschäftigung ist, den Fortgang des Geschmacks unter allen Nationen zu bemerken, so glaube ich ihnen einen Dienst zu thun, wenn ich ihnen folgende sehr authentische Nachricht von russischen Dichtern aus der Bibliothek der schönen Wissenschaften, so weit sie gedruckt ist, abschreibe. <...> Die Herren, die ein vollständiges Verzeichnis der Dänen, Schweden und Holländer verlangen, bitte ich mich mit ihren Beyträgen zu verehren». (Zusätze zur Theorie der Poesie, Hrsg. von Chr. Heinr. Schmid, Leipzig, 1769, стр. 210).

Шмид напечатал биографии поэтов и писателей с краткими сведениями об их произведениях. Правда, из журнала «Bibliothek der schönen Wissenschaften» он взял не всех русских писателей, а только наиболее значительных: Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Попова, Елагина, Ельчанинова, Лукина, Баркова, Дениса Фонвизина, Богдановича и Александра Волкова. Заканчивается это сообщение следующими словами: «Если кое-что также и нужно в этом Известии отнести к энтузиазму автора, то все-таки нельзя отрицать того, что хорошее чувство вкуса в России начинает пускать ростки».⁵¹

Тот факт, что в течение одного года была осуществлена вторичная перепечатка сведений о русских писателях, говорит о возросшем интересе за границей к русской культуре.

Менее всего является вероятным, что подобные вещи проходили незамеченными в русской колонии, тем более, что, например, издателями и авторами некоторых журналов были профессор Лейпцигского университета — барон Гогенталь, Август Фридрих Шотт, Иоганн Иоахим Швабе и другие. У двух последних Радищев занимался в течение всех четырех лет и, надо полагать, был хорошо знаком с их журналами.⁵²

Именно в журнале Шотта в 1771 году появляется целый ряд статей, рекомендующих книги о крепостном праве, о положении крестьянства, что было связано с запросом Вольного экономического общества. Как известно, в ноябре 1766 года Екатерина II, продолжая политику показного либерализма, прислала в Общество письмо, подписанное прозрачными инициалами «И. Е.» и 1000 червонцев, с предложением объявить конкурс на тему: «В чем состоит собственность земледельца, в земле ли его, которую он обрабатывает, или в движимости, и какое он право на то или на другое для пользы общенародной иметь может?»⁵³

Вскоре, действительно, был объявлен с официальным объявлением в печати конкурс сочинений, отвечающих на вопрос: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираются должны?»⁵⁴

Тема конкурса была настолько животрепещущей, что вызвала широкие отклики не только в России, но и за ее пределами. Вплоть до апреля 1768 года поступали в адрес Общества сочинения. Всего было получено 160 ответов на русском, французском, немецком, голландском, итальянском, латинском языках.

Непосредственно на тему конкурса отвечала и книга неизвестного автора, вышедшая в 1770 году в Риге под названием: «Опыт сочинения о собственности крестьян в ответ на запрос», рецензию на которую мы находим в журнале Шотта.⁵⁵ В книге обсуждалось, что выгоднее для общества: чтобы крестьянин имел землю или только движимое имущество?

⁵¹ «Wenn man auch etwas auf den Enthusiasmus des Verfassers von dieser Nachricht abrechnen muss: so kann man doch nicht leugnen, dass der gute Geschmack in Russland zu keimen anfange» (Там же, стр. 218).

⁵² А. Ф. Шотт издавал журнал «Unpartheische Kritik...». И. И. Швабе и Х. А. Шульце — журнал «Museum Rusticum et commerciale», см. выше сноски 41 и 45.

⁵³ История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865, стр. 22.

⁵⁴ Там же, стр. 23.

⁵⁵ Versuch einer Abhandlung vom Eigenthume der Bauern nach Anleitung einer Frage». Riga, 1770, 111 страниц.

И делался вывод: для крестьянина полезнее, если он имеет и то и другое, помещику же выгоднее, когда крестьянин обладает только правом пользования землей, а не полного владения ею.⁵⁶

В другой книге, одновременно появившейся в Дрездене и Лейпциге, — «Юридические сочинения о крестьянах и их барщине, а также об их природной свободе и в равной мере о разных неправильных и хороших предложениях для улучшения их правового положения»⁵⁷ — поднимается целый ряд сложных вопросов, связанных с крепостным правом. Ее автор — консультант юриспруденции в Дрездене Иоганн Леонард Хаушильд.

Рекомендовалась и книга Гедера «Размышления по вопросу, каким образом предоставить крестьянству свободу и право собственности в тех странах, где оно лишено и того и другого».⁵⁸

Вероятно, Радищев был знаком с этими рецензиями, а, возможно, заинтересовавшись их проблематикой, прочел и книги, так как они, в большинстве своем, выходили в Лейпциге — крупнейшем книготорговом центре, где, кстати, устраивались и ежегодные книжные ярмарки, так что именно здесь легче всего было купить любую книгу, вышедшую в Европе.

Итак, приведенные новые документы и материалы со всей убедительностью показывают, что, находясь за границей, усиленно занимаясь, изучая науки, готовясь к будущему служению Родине, Радищев и его друзья не порвали связи с Россией. Чтение книг, журналов, газет, встречи с соотечественниками давали им возможность знать то, что там происходило и что волновало их «сограждан».

⁵⁶ Unpartheiische Kritik. Leipzig, 1771, стр. 38.

⁵⁷ Juristische Abhandlungen von Bauern und deren Frohndiensten, auch der in Rechten gegründeten Vermuthung ihrer natürlichen Freiheit, ingleichen von verschiedenen irrigen oder guten Vorschlägen zu einer Verbesserung der Justiz, theils anitzo verbessert, theils ganz neu herausgegeben und mit einem zureichenden Register versehen», Leipzig und Dresden, 1771, 306 страниц.

⁵⁸ Bedenken über die Frage: Wie dem Bauerstande Freiheit und Eigenthum in den Ländern, wie ihm beides fehlt, verschaffet werden könne? Frankfurt und Leipzig, 1771, 112 стр.